

В конце концов, в шоу-бизнесе... никто не удивится, если у кого-то резко изменится характер, всё сводится лишь к тому, хочет человек притворяться или нет.

Мо Юньфэй, казалось, много о чем подумал, но на самом деле это заняло лишь мгновение ока.

Помощник всё ещё тяжело дышал. Мо Юньфэй подождал, пока тот успокоится, и только потом спросил:

— Сяо Ци, что конкретно происходит? Компания получала уведомление?

Ци Сяошань, отдышавшись, выпрямился и повел его к месту съемок:

— Я приехал вчера вечером, прибыл сегодня на рассвете. Насколько я знаю, съемочная группа, включая режиссера, прибыла давно. Начать съемки на несколько дней раньше, хотя и поспешно, но не такая уж большая проблема. Однако... кое-что странно. Уведомление было не только срочным, но и разослано не всем — не главным актерам и массовке, а только актерам вашей сюжетной линии.

Хотя карьера Мо Юньфэя в актерском мире шла гладко, его статус был уже не на уровне новичка, и он довольно хорошо разбирался в ситуации в шоу-бизнесе.

Текущая ситуация определенно была ненормальной, но пока было неясно, против кого именно направлена эта ненормальность.

Ци Сяошань, увидев, что Мо Юньфэй больше ничего не говорит, немного успокоился.

До этого он не был знаком с Мо Юньфэем, и по разоблачениям в СМИ тот казался чрезвычайно высокомерным и трудным в общении человеком. Ранее Чжан Цзы говорил ему не волноваться, но у Ци Сяошаня всё ещё были сомнения. Теперь же, похоже, с этим человеком действительно легко иметь дело.

Мо Юньфэй тоже не считал, что его отношение было «легким» или «трудным» — он просто не любил придирается к невинным людям из-за проблем, которые невозможно решить.

Он последовал за Ци Сяошанем к съемочной площадке, где тот представил его режиссеру. Тот поднял на него взгляд и рассеянно спросил:

— У тебя нет проблем с тем, чтобы начать съемки раньше?

Мо Юньфэй встретился с ним взглядом и кивнул:

— Проблемы есть.

Режиссер, увидев его кивок, в своем безразличном взгляде внезапно появился интерес:

— О? Какие проблемы?

Мо Юньфэй посмотрел на него, затем на стол позади него и слегка нахмурил брови:

— А где сценарий?

Режиссер никак не ожидал такого вопроса. Ошарашенный, он громко рассмеялся.

Он повернулся, достал из своей сумки сценарий и протянул ему:

— Сценарий здесь. Еще какие-то проблемы?

Мо Юньфэй внимательно наблюдал за реакцией режиссера. Увидев его состояние, он сразу понял, как с ним нужно общаться.

Поэтому он не кивнул и не покачал головой, а прямо сказал:

— Тогда я смогу определиться, только прочитав сценарий.

Ци Сяошань облился холодным потом с того момента, как Мо Юньфэй кивнул, а к третьей фразе был так напряжен, что чуть не потерял сознание.

Однако Мо Юньфэй, очевидно, понимал таких режиссеров лучше, чем он. После того как Мо Юньфэй занял такую позицию, режиссер не только ничего не сказал, но даже объяснил причину, по которой до сих пор не раздавал сценарии.

— Мне нет смысла скрывать от тебя: я не был удовлетворен, поэтому сценарий постоянно переделывался. Плюс я люблю держать всё под контролем и предпочитаю, чтобы актеры, играющие вместе, сначала бегло ознакомились с сценарием, выработали общее понимание отношений и чувств между персонажами, а уже потом серьезно вникали в роли. Поэтому я не раздавал сценарии заранее.

Мо Юньфэй не соглашался с его точкой зрения, но уважал и понимал его подход.

В конце концов, по мнению Мо Юньфэя, самый страшный режиссер — это тот, у кого нет собственного видения своего произведения.

Режиссер, увидев, что у Мо Юньфэя нет возражений, отпустил его, велел посидеть в стороне и почитать сценарий, а через час обсудить идеи.

Мо Юньфэй кивнул, попросил Ци Сяошаня найти какую-нибудь маленькую табуретку, сел и начал читать сценарий.

Это была драма времен Китайской Республики. Главный герой — честный начальник полиции, героиня — добрая, но немного избалованная дочь богатой семьи, а второй мужской персонаж — мелкий хулиган, которого главный герой несколько раз арестовывал и отпускал и который в итоге стал его хорошим другом.

У этого хулигана была и жестокая сторона, и мягкая сторона. Он любил героиню, но, зная о чувствах главного героя к ней, никогда не произносил эту любовь вслух.

Он молча помогал двум людям, которые были ему дороги, а затем умер за них.

В общем, после беглого прочтения самое сильное впечатление Мо Юньфэя было таким: если у этого сериала будет успех, и если он сыграет не слишком плохо, то этот персонаж обязательно станет популярным.

Режиссер, увидев, что тот действительно дочитал до конца за час, не смог скрыть удивления:

— Ты прочел?

Мо Юньфэй ответил предельно откровенно:

— Пролистал.

Режиссер рассмеялся:

— Ладно, пролистал. Тогда скажи, какова главная причина, по которой этот персонаж так хорошо относится к главным героям?

Мо Юньфэй ответил без колебаний:

— Потому что похожи.

Режиссер поднял бровь:

— Похожи? На кого?

Мо Юньфэй опустил взгляд на сценарий, и его взгляд невольно смягчился, словно второй мужской персонаж, думающий о тех двоих:

— Очень похожи на него в юности и на человека, которым он хотел стать в те годы.

Получив такой ответ, режиссер хлопнул по столу и прямо сказал:

— Хорошо сказано. Ладно, иди готовься, сегодня днем снимем сцену с тобой и третьим мужским персонажем. Забирай этот сценарий с собой, я закажу себе новый экземпляр.

Услышав это, Мо Юньфэй не стал церемониться, кивнул в знак благодарности и вместе с Ци Сяошанем покинул съемочную площадку.

Едва они ушли, помощник режиссера, стоявший всё это время неподалеку, сразу же подошел и с неоднозначным выражением лица посмотрел на режиссера:

— Как ты собираешься отчитываться перед старым Хэ...

Режиссер скривил губы:

— О чем тут отчитываться перед старым Хэ? Он просил меня подстроить дело, а я вот не знаю, как объясняться с Мо Юньфэем. Как бы то ни было, у них официальный контракт.

Помощник режиссера понимал эту логику, но...

— В общем, сам и разбирайся со старым Хэ.

Мо Юньфэй ничего не знал о разговоре режиссера и его помощника, но, сидя в гостиничном кресле, он всё же погрузился в раздумья.

Такая форма досрочного начала съемок сама по себе была странной, а после прочтения сценария это чувство странности только усилилось.

Его роль хоть и была яркой, но сцен у неё было не так много, это не была роль главного героя, несущего всю душу произведения.

В такой ситуации зачем вообще было вызывать его в группу первым?

И ещё... после прочтения сценария ему почему-то показалось, что в нём есть какая-то тонкая, едва уловимая знакомость, словно он уже видел его где-то раньше.

Может, автор использовал какое-то произведение, которое я читал раньше? — подумал Мо Юньфэй.

Но он чувствовал, что что-то не так.

Хотя память у него в других делах была средней, в отношении фильмов и сериалов она всегда была отличной, и он не помнил, чтобы видел это раньше...

Размышляя об этом, Мо Юньфэй достал телефон, чтобы проверить, не прислал ли сообщение Шэнь Тинцзюнь.

В итоге сообщений от Шэнь Тинцзюня не было, зато пришел запрос в друзья от помощника режиссера.

Он принял его, и тот быстро прислал содержание сцены, которую нужно было снимать днем.

Увидев, что сцена всего одна, Мо Юньфэй не мог не удивиться, но, вспомнив о режиссерских предпочтениях в съемках, он сразу же всё понял.

Наверное, после съемки хочет, чтобы он пообщался с третьим мужским персонажем.

Так и оказалось. После того как они отсняли эту сцену, режиссер усадил их и попросил дать оценку игре друг друга.

Актер, игравший третьего мужского персонажа, был значительно старше Мо Юньфэя. Увидев, что Мо Юньфэй смотрит на него, он первым заговорил:

— Мне стыдно перед тобой.

Он говорил не из вежливости, а искренне.

Несколько дней назад он тоже видел то нашумевшее видео Мо Юньфэя. После просмотра его впечатление о Мо Юньфэе было не очень хорошим, он даже подумал, что молодежь не знает своих пределов и готова говорить что угодно.

При таком предубеждении, узнав, что его партнером по сцене сегодня будет Мо Юньфэй, он немного надеялся посмотреть на зрелище. Кто бы мог подумать, что вместо того чтобы смотреть зрелище, он сам чуть не стал этим зрелищем.

Услышав его слова, Мо Юньфэй лишь улыбнулся:

— Я вижу, режиссер доволен нашей сценой, значит, мы оба сыграли хорошо, не стоит использовать такие слова, как «стыдно перед тобой».

Режиссера рассмешила эта фраза:

— Откуда ты знаешь, что я доволен вашей сценой?

Мо Юньфэй спокойно парировал:

— Разве вы нами недовольны?

На этот раз рассмеялся не только режиссер, но и третий мужской персонаж.

Честно говоря, Мо Юньфэй был слишком самоуверен и слишком дерзок, но какое это имело значение? Он молод, хорошо играет, и к таким молодым людям они всегда были очень снисходительны.

Режиссер смеялся довольно долго, а остановившись, намеренно дал им возможность обсудить свое видение взаимоотношений персонажей.

<http://bllate.org/book/15595/1390341>